

*Е.Н. Наземцева**

Правовое бесправие в восприятии русской эмиграции в Китае в 1920-е гг.

АННОТАЦИЯ: В статье на основе мемуаров, личной переписки и архивных документов рассматриваются особенности восприятия русской эмиграцией своего правового положения в Китае. Особое внимание уделяется политике СССР и Китайской республики в отношении русской диаспоры, деятельности консулов бывшей Российской империи по защите прав русских эмигрантов, а также проблемам выбора гражданства в условиях налаживания или обострения советско-китайских отношений в 20-е гг. XX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская эмиграция, диаспора, правовое положение, международная политика, дипломатия.

На рубеже веков и в начале XX века Китай не являлся страной, развитой в правовом отношении. Несмотря на то, что Пекинская дипломатическая миссия России была учреждена ещё в 1861 г., а между Российской империей и Китаем были заключены ряд договоров (Кульджинский, Айгуньский, Тяньцзинский, Пекинский), политико-правовое положение русских граждан они не регулировали [1, с. 10]. Первоначально в 1899 г. было создано Дипломатическое бюро, инициатором создания которого выступил главный инженер дороги — А.И. Югович. Дипломатическое бюро рассматривало вопросы, касавшиеся русских и китайцев, а также представителей других национальных групп [1, с. 11].

Затем были учреждены консульства. Основными направлениями деятельности консулов являлась защита интересов российских подданных [8, с. 22]. Кроме того, правовое положение русских на КВЖД

* Наземцева Елена Николаевна, к.и.н., н.с. НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации, Москва, Россия; E-mail: elenanazz@mail.ru

укрепило введение местного самоуправления в Харбине в 1908 г., а позднее и в других городах и посёлках вдоль дороги. При этом китайские власти не вмешивались в жизнь российской колонии [4, с. 20]. До 1918 г. правление КВЖД гарантировало своим служащим и всем русским, проживающим в полосе отчуждения, право экстерриториальности, свободное передвижение из России в Китай по специальным заграничным паспортам, однако уже к декабрю 1917 г. связь с Правлением КВЖД в Санкт-Петербурге полностью прекратилась и правовое положение русских граждан в Маньчжурии стало неопределённым [2, с. 101].

Несмотря на положение экстерриториальности, для въезжающих в Китай русских было введено обязательное визирование паспортов, что было нарушением правил, предоставленных России Китаем заключёнными ранее договорами. Российские консулы, представлявшие в создавшихся условиях российское Временное правительство, пытались изменить положение¹. Большую роль в этом играл посланник Российской империи в Китае князь Н.А. Кудашев. Китайской стороне было дано понять, что «требование от въезжающих в Китай русских визированных китайскими консулами паспортов может быть приведено в исполнение только с согласия Русского Правительства, так как русские в Китае внеземельны». Поэтому Временное правительство ответило резким отказом на применение к русским гражданам этой меры².

После провала иностранной интервенции против Советской России правительство Северного Китая меняет свою политику. Царская дипломатическая миссия была лишена своих привилегий: 23 сентября 1920 г. был издан Декрет президента китайской республики Сюй Шичана о прекращении официальных сношений с имеющимися в стране российскими дипломатическими представительствами. Советское руководство в ответ на это в «Обращении Правительства РСФСР к Правительству Китайской республики» заявило об отказе России от прав экстерриториальности. Все лица российского происхождения, проживающие на территории Китая, переходили под юрисдикцию пекинского правительства.

Об этих событиях вспоминала русская эмигрантка Е. Ширинская: «первый период жизни Харбина закончился в 1917 году, а с 1920 г. с падением Омского правительства и Колчака, Харбин потерял права

¹ Архив внешней политики Российской Империи (далее — АВП ИИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 3196. Л. 7. / АВП ИИ. Ф. Правовой Департамент. Оп. 455-а. Д. 48. Л. 2.

² АВП ИИ. Ф. Правовой Департамент. Оп. 455-а. Д. 48. Л. 2.

экстерриториальности, и русские потеряли своё положение. С этого момента начинается новая жизнь г. Харбина, насыщенная политическими интригами, в которых было много участников: китайские политические партии, советская власть, японская военщина, и среди всего этого — русское население: сначала основное русское население, а с 20-х годов русская эмиграция, которая состояла из бывших военных, их семей и людей, бегущих от коммунистического террора и преследователей разного рода» [10, с. 78].

Другой русский эмигрант, Н. Лидин, отмечал: «В конце 1919 — начале 1920 г. попадая в Харбин, русский эмигрант ни в какой степени не чувствовал, что он за границей. В ту пору в полосе отчуждения, в Харбине в особенности, социально-административный уклад жизни носил ярко выраженный русский характер. И по существу, и формально. Функционировал русский суд, русская почта, русская полиция, городское самоуправление, сконструированное по русскому образцу. На улицах, в магазинах, в учреждениях господствовал русский язык» [5, с. 313]. Когда же началась эра ликвидации русских прав и интересов, ломки русских учреждений, ущемление русского влияния, вытеснение русских из занятых ими позиций на дороге и в торгово-промышленном мире, тогда этот край стал для русской эмиграции заграницей [5, с. 314].

На северо-западе Китая, в Синьцзяне, правовое положение русских эмигрантов имело свои особенности, а урегулирование правового статуса являлось важным фактором дипломатии в регионе. Русские консульства, находящиеся здесь, наряду с выполнением регулярных функций осуществляли и правовую защиту российских подданных от притеснения местных властей [9, с. 104].

Следует отметить, что отношение к русским гражданам начало меняться уже с весны 1917 г. В министерство иностранных дел были направлены сведения о падении престижа России в провинции, а также о случаях оскорблений русских подданных со стороны китайцев³. В то же время консульства делали всё возможное для защиты русских граждан в период революционных событий на родине. Русский эмигрант Ю. Понькин в своих воспоминаниях так характеризует деятельность царского консула П.П. Дьякова в Синьцзяне в этот период: «В двадцатом году, после провала Белого движения, возглавляемого Колчаком, остатки армий Дутова, Бакича и Анненкова отступили в Синьцзян. С этого момента началось самое трудное для Дьякова время за всю его карьеру. Оставшись консулом без государства, он всё ещё по инерции, пользуясь своим авторитетом,

³ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3357. Л. 75.

мог улаживать всевозможные проблемы, которые возникали из-за присутствия армий и множества беженцев. Его работа осложнялась ещё тем, что многие армейские части не желали подчиняться никаким законам, не хотели ни с кем и ни с чем считаться и думали только о реванше» [6, с. 110].

Таким образом, в начале 1920-х гг. русские эмигранты оказались, по сути, вне правового поля. Это заставляло их принимать решение о возвращении на Родину, тем более, что советское руководство начало проводить мероприятия по репатриации русских беженцев из Китая. 27 марта 1924 г. из Москвы в Харбин была направлена репатриационная комиссия для проведения намеченных мероприятий⁴.

Положение многих эмигрантов было действительно тяжёлым. А.О. Приданников, отступивший в составе остатков Оренбургской и Семиреченской армии в 1920 г. в Синьцзян, вспоминал: «Со стороны казалось, что всё идёт хорошо, но на самом деле положение отряда было крайне плачевное. Время шло, а паёк китайцами ещё не выдавался, ибо в Чугучаке и Дорбуджине запасов не было, а из Урумчей, до которого считали что-то около 500–600 вёрст, доставить верблюдами скоро нельзя. Люди недоедали. Несли на базары вещи и сёдла, некоторые даже своих лошадей. [...] Наконец стали выдавать добавочно к мясу, по ¼ фунта муки, что не могло удовлетворить потребность в еде у людей, бывших всё время на свежем воздухе, отощавших за время болезни тифом. Аппетит хороший, а выдача продуктов производилась в незначительных размерах. Люди волновались, росла тревога, что и в будущем будет не лучше. От недоедания начались усиленные разговоры о возвращении на Родину, домой» [7, с. 55].

Однако репатриационная комиссия действовала медленно, так как не хватало средств.

Правовое положение русских эмигрантов ещё более усложнилось после подписания 31 мая 1924 г. министром иностранных дел пекинского правительства Гу Вэйцзюнем и полномочным представителем правительства СССР в Китае Л.М. Караханом соглашения об общих принципах урегулирования вопросов между Китайской Республикой и СССР. Министром иностранных дел «в интересах дружбы между Китайской Республикой и СССР» было сделано официальное заявление об обязательном прекращении «состояния всех подданных бывшей Российской империи на службе в китайской армии и полиции, ввиду того, что своим присутствием или деятельностью они создают

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 7. П. 107. Д. 19. Л. 194.

угрозу безопасности СССР»⁵. После этого абсолютное большинство русских эмигрантов, не признавших советскую власть, окончательно превратилось в беженцев без гражданства. С этого времени у них не было своего представителя, чьи права и полномочия были бы признаны дипломатическим иностранным корпусом в Китае. Бывшие подданные Российской империи получили статус «лиц без гражданства».

Одним из выходов для эмигрантов стало получение эмигрантского паспорта, однако его оформление было связано с бюрократической волокитой и материальными затратами. Непринятие же советского гражданства влекло за собой увольнение с КВЖД.

Однако в большинстве случаев желание эмигрантов получить советское гражданство и, возможно, впоследствии вернуться на Родину наталкивалось на бюрократические проволочки и препятствия. Например, об этом свидетельствует русский эмигрант А.Е. Архипов в письме к своей родственнице, проживающей в СССР: «Писали вам несколько писем, но ответа не получили. Имея отпуск, я мог бы побывать дома, но паспорт ещё не получил, который мне так необходим. Ещё раз прошу вас обратиться с ходатайством во ВЦИК — о выдаче мне визы возвратиться на Родину»⁶.

В то же время, возвращавшиеся из Китая на Родину русские эмигранты имели весьма смутные представления о ситуации в стране. В этой связи интересно письмо И.Л. Бобрицкого из Харбина своему знакомому в Киев: «Я хочу перебраться к вам, здесь в настоящее время такое шаткое положение, каждую минуту ожидай перемены. Вы мне напишите, сколько у вас разрешается иметь денег и можно ли их класть в банк, а то здесь говорят, что если кто у вас имеет тысяч 5–8, то их забирает правительство и ими распоряжается, кроме того, какие лучше иметь деньги, американские или советские, если я переведу их в банк хотя бы Киевский или Черкасский. Это для меня очень важно, вы разузнайте хорошенько и напишите мне»⁷.

Примером бюрократических препятствий могут служить документы о семье С.В. Швабович: акт ОГПУ, протокол допроса, письма.

В частности, из акта следует, что «гражданка Швабович С.В. через проводника вагона МББ ж/д гражданина Зайцева своему родному брату Иванову-Маркелову Александру Васильевичу, проживающему за границей в Маньчжурии (Китай) переслала одно письмо, в ответ

⁵АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. Л. 1.

⁶Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 8. Д. 428. Л. 84.

⁷Там же. Л. 140.

на которое Иванов-Маркелов, на имя своей матери Маркеловой Евдокии Платоновне ответил письмом по почте, из которого видно, что Иванов-Маркелов имеет надежду вернуться в СССР»⁸. За этими казёнными фразами — два письма: одно от матери — в Китай, в котором было всего несколько слов: «Христос Воскресе! Если ты сын, то откликнись!»⁹ и другое — от сына, полное радостных чувств от осознания того, что удалось найти родных, от надежды на скорое возвращение и возможное воссоединение с семьёй: «Милая дорогая, мама, мои братья и сёстры! Очень рад, что наконец-то после долгих усилий мне удалось вас разыскать. [...] Уже год, как я приехал из Японии в Маньчжурию, подал заявление в консульство о восстановлении меня в гражданстве. Однако получение паспорта здесь очень трудная вещь, скоро не выдают. Вот например возьмите пример хотя бы с меня: подал анкету в консульство 8 месяцев тому назад, но ответа пока ещё нет, несмотря на то, что моё положение исключительное, т.е. я нахожусь за границей с 1911 г. и абсолютно ни в каких военных и политических белых организациях не состоял и не состою. Получение паспорта же советского при моих больших познаниях дало бы мне возможность служить в лучших учреждениях, чем такое, как я, например, в настоящее время имею, состоя в бухгалтерии на водочном и пивном заводе очень сомнительного в порядочности армянина. Милая мама, братья и сёстры, живя в Москве, я обращаюсь к Вам с просьбой узнать у ваших знакомых или в Министерстве иностранных дел, что нужно сделать, чтобы ускорить получение паспорта. Мне также больно и обидно, что в настоящее время фактически лишён возможности помогать всем вам, как раньше. Это очень и очень угнетает меня. В отношении паспорта, я надеюсь, что Клавдиночка и Митя хотя во имя прошлого сделают и приложат своё усилие узнать, что и куда, а также какие документы нужно выслать, чтобы ускорить получение паспорта. Все вы можете быть спокойны, повторяю, что я абсолютно ни в чём не замешан, живя за границей, занимался только конторской работой, которая и давала мне кусок хлеба [...]»¹⁰. К сожалению, из документов не ясно, удалось ли вернуться автору письма на Родину.

Нерешённость правового положения повергала многих в отчаяние. В письмах сквозила ирония и глубокая обида за своё положение, причём, не только на советскую власть, но и на бывших союзников Российской империи, которые, по мнению эмигрантов, оказывали

⁸ Там же. Л. 56.

⁹ Там же. Л. 58.

¹⁰ Там же. Л. 61.

недостаточную помощь русским беженцам. Это касалось, в частности, и русских эмигрантов, оказавшихся в Шанхае. Особенно ярко эмоциональное состояние чувствуется в письме Голдобина, который пишет своему отцу В.П. Голдобину в г. Хвалынский, Саратовской губернии: «Все забыли о том, что Россия спасла смертью своих лучших сынов в 1812 г. [...] Все забыли, что эти серенькие люди сражались и умирали и на полях Месопотамии, и на полях Силезии, и под Верденом, и на Балканах, и в Турции, и в Румынии и т.д. в великую германскую войну. [...] Да, тогда мы вам были нужны, и вы тянули к нам руки, прося помощи. И мы вам помогли — помогли ценою жизни русского серого солдата. Но что получили мы от вас... так вот благодарность на лицо. Нас даже не хотели иностранцы пустить в Шанхай, где они имеют богатейшие концессии, как французы, так и англичане, нам не хотели дать хоть какой-нибудь работы и тем самым предоставить возможность заработать хоть сколько-нибудь, чтобы не пропасть с голоду»¹¹.

Конфликт 1929 г. на КВЖД ещё более усложнил правовое положение русских. Многие из тех, кто принял советское гражданство до конфликта, во время конфликта, не зная его исхода, попытались избавиться от своих паспортов, другие подали ходатайства о переходе в китайское гражданство [3, с. 76].

Кроме того, во время конфликта советское правительство потребовало, чтобы все граждане СССР, работавшие на дороге, начали забастовку. По воспоминаниям харбинки Е. Якобсон, «мирная жизнь в Харбине нарушилась, семьи разделились по политическим убеждениям. В одной и той же семье муж мог бастовать, в то время как жена продолжала работать. Школьники тоже должны были участвовать в забастовке: нам не велено было ходить в школу. Некоторые оставались дома, другие шли в классы. Многие работники железной дороги не имели советских паспортов, и советское правительство призывало всех получить советское гражданство. Кто-то соглашался на это, другие же предпочитали оставаться „эмигрантами“. Мой отец отказался участвовать в забастовке. Как врач он считал невозможным оставить больницу и пациентов. Я продолжала посещать уроки, а мама заменяла у нас в школе учительницу биологии. После того, как конфликт был улажен, советское правительство отомстило тем, кто оказался „нелояльным“. На смену всем, кто отказался получить советский паспорт, из Советского Союза привезли новых рабочих. Для города начались новые времена — безработица, неуверенность, горечь и даже отчаяние» [10, с. 132].

¹¹ Там же. Л. 105.

После завершения конфликта и восстановления статус-кво на дороге действительно началась «чистка» от «чуждого элемента». Советские граждане, которые не прекратили работу во время конфликта, увольнялись, причём их увольняли как «бесподданных» без выплаты пособия [3, с. 75].

Такая ситуация заставляла многих принявших советское гражданство отказаться от него, подобно отцу Е. Якобсон, который решил, что наступило время «расставить все точки над *i* — отослал паспорта в консульство и отказался от советского гражданства». В результате, люди выбывали из советской общины и оказывались изолированными [10, с. 136].

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. русские эмигранты не раз оказывались вне правового поля, вынуждены были принимать решение о выборе гражданства, менять его в зависимости от политической ситуации для того, чтобы сохранить себе жизнь и свободу. Политика китайского правительства в отношении русских беженцев зависела от целого ряда факторов, среди которых советский фактор был определяющим.

Восприятие русскими эмигрантами своего правового положения отражено как в воспоминаниях, так и в личной переписке. Если в первой половине 1920-х гг., неурегулированность правового статуса вынуждала многих эмигрантов принимать решение о возвращении на родину, то во второй половине ситуация изменилась: после восстановления советско-китайских дипломатических отношений русские эмигранты вынуждены были выбирать либо советское либо китайское гражданство. Возможность получения нансеновского паспорта, признанного в Европе, равно как и помощи международного сообщества, в Китае практически исключалась. Обострение советско-китайских отношений заставляло эмигрантов менять свои предпочтения. Однако и это не являлось гарантией относительно спокойной эмигрантской жизни в дальнейшем.

Литература

1. Бакулина А.А. Политико-правовой статус российских эмигрантов в полсе отчуждения КВЖД (конец XIX — нач. XX вв.) // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае / под ред. Н.И. Дубининой, В.М. Пескова. Хабаровск, 2008.
2. Капран И.К. Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006.
3. Кротова М.В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 32 (32).

4. Куликова Н.В. Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае: (1917–1931 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005.
5. Лидин Н. Русская эмиграция на Дальнем Востоке // Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. 1937, № 1.
6. Понькин Ю. Путь отца. Россия — Китай — Австралия. Сидней, 1997.
7. Приданников А.О. Вычеркнутые из истории: Записки очевидца. Омск, 2002.
8. Семёнов В.А. Деятельность российских консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны (1911–1918 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Иркутск, 2012.
9. Сизова А.А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1(13).
10. Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006.

*E.N. Nazemtseva**

Deprivation of rights as seen by Russian emigration in China in 1920s

ABSTRACTS: This article is based on memoirs, private correspondence and archival documents. It analyzes the peculiarities of Russian emigrants' perception of their legal status in China. The main attention is paid to the policy of the USSR and the Chinese Republic towards Russian diaspora, to the activity of consuls of the former Russian Empire on the defending the rights of Russian emigrants, and to the problems of choice of citizenship in the conditions of improvement and worsening of the diplomatic relations between the USSR and China in 1920s.

KEYWORDS: Russian emigration, diaspora, legal status, international politics, diplomacy.

* Nazemtseva Elena Nikolajevna, PhD in History, Research Institute of Military History, Military Academy of the General Staff of Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia; E-mail: elenanazz@mail.ru